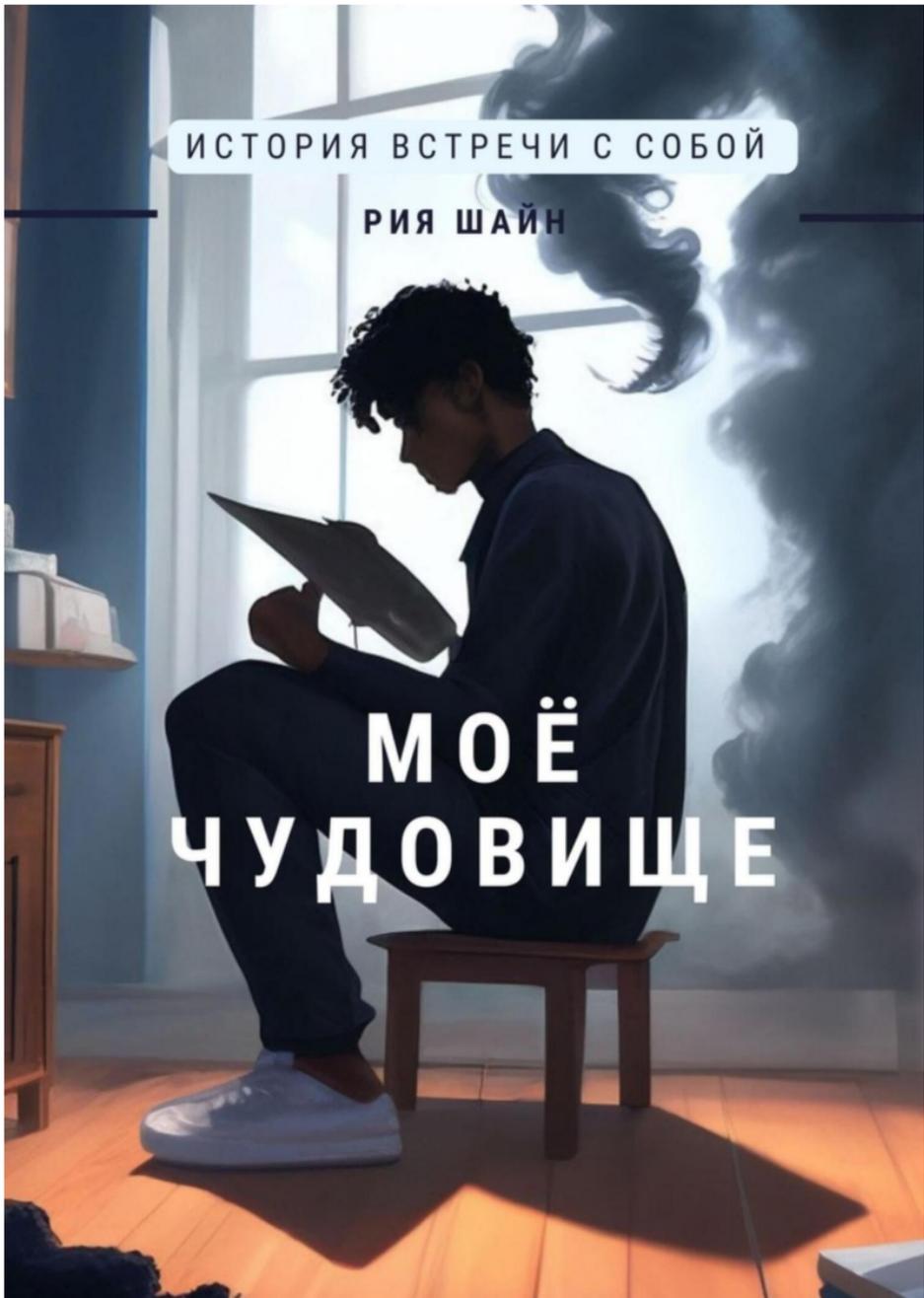

ИСТОРИЯ ВСТРЕЧИ С СОБОЙ

РИЯ ШАЙН

МОЁ
ЧУДОВИЩЕ

Рия Шайн

Моё чудовище

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70507786

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказ "Мое чудовище" повествует о парне по имени Рэй, который страдает от депрессии и однажды замечает в зеркале странное скопление, напоминающее черную тучу. Желая понять, что это такое, Рэй начинает взаимодействовать с этим "нечто". Может быть чудовище появилось не просто так? Ведь именно сейчас стали выходить из шкафа те самые скелеты, которые прятала семья Рэя. Навредит ли чудовище парню или поможет разобраться с происходящим?

Рия Шайн

Моё чудовище

Тень вокруг росла, а свет не становился ярче. Тогда я впервые испугался, что чудовище сзади меня может поглотить всё светлое во мне.

Каждый раз, проходя мимо зеркал, я отчётливо видел огромную черную тень сзади меня. Она была похожа на клуб дыма, который плавно парил вслед за мной.

Люди не видели его, даже если бы одновременно посмотрели со мной в отражение.

"Никто тебе не поверит, Рэй. Все решат, что причина в таблетках и ты совсем поехал крышей..." – бежало повторяющейся строкой в голове, словно вывеска на вокзале, которая напоминала, когда придет твой автобус.

Я боялся встать, ибо знал, что в зеркале увижу его – мое чудовище .

Вы, наверное, хотите узнать откуда взялась история с таб-

летками?

Последние полгода меня мучала бессонница, было хреновое состояние и полная потеря аппетита.

Причина? Не могу сказать точно, словно каждое событие сыграло свою роль и добавило каплю в огромное море моих переживаний. Больше всего на меня давили ожидания от себя. Я бегал в лабиринте мыслей в поиске света, а стены лишь сближались и пытались сдавить меня.

Жуткое чувство, когда мир кажется таким удушающим, но по правде, это твои же руки душат тебя.

Я хотел все и сразу, так много взвалив на себя, что не смог осилить ношу. Никто не назначал меня героем, который должен изменить мир, но я сам хотел быть значимым и нужным. А по правде я лишь бегал за фантомами своих же мечтаний, упираясь в вопрос: "Что я должен сделать?!". Я ругал себя за время, которое терял за отдыхом и учебой. Последнее казалось куда важнее, но я понимал, что это лишь период, который мне нужно прожить. Больше всего меня пугала стена, воздвигнутая за деревьями сада, через который я наивно пытался убежать.

В очередной попытке побега, я почти стукнулся головой об бетонную возвышенность, тем самым осознав, что всё это

время не был в безопасности.

Стена, что разделяла меня с неизведанной мечтой, поросла цветами, ослепляющими красотой.

• blooming dream •

Цветущая, непознанная и далёкая мечта. Я всё думал, а чего я хочу на самом деле, и не находя ответа, злился на близких людей из-за своего же бессилия.

Мое состояние ухудшалось, всё выходило из под моего контроля. Тело не слушалось, меня часто тошнило, знобило, я плохо спал и мало ел.

Родители, естественно, запереживали, что я больше не был похож на привычного себя. Начали таскать по врачам, от терапевта к психиатру. Последний что-то черкнул в моей медкнижке и выписал кучу лекарств, названия которых я раньше даже не слышал.

После этого ко мне стали иначе относиться. Закрыли меня

на домашний "карантин", объяснив тем, что из-за учебы в колледже у меня началась депрессия, которая отбирала силы на жизнь и мама настояла на том, чтобы я побыл некоторое время дома. Да я и не был против, взять перерыв и не видеть никого из знакомых – кто б отказался? Третий год обучения давал о себе знать, давление нарастало, как и сама нагрузка.

Но даже новость о том, что я могу не ходить пока на учебу ничего не меняла, и состояние от этого лучше не становилось, мне всё время хотелось просто лежать и было такое едкое ощущение внутри... Всё это было до появления моего чудовища. Хотя я точно не знаю, когда оно появилось, ведь совсем не смотрел в зеркало последнюю неделю, просто не было желания.

Одним утром я проснулся и ощутил давящее чувство. Меня словно плитой прижало, только внешне всё было в порядке, но при этом я не мог пошевелиться. И в этот же момент голову начали заполнять шумные мысли. Они словно толкались друг с другом, не давая ни одной из них полностью овладеть мной. Голова от этого так сильно раскалывалась. Я ощутил сильное сожаление, что не успел попрощаться с бабушкой прошлой зимой, когда она умерла. Тогда она была прикована к постели, а я уехал на зимние каникулы с друзьями. Болезнь была с ней довольно долго, и я не думал, что это произойдет так быстро. Я успел на похороны, но поговорить

с важным для меня человеком в последние дни ее жизни, я не смог. Как бы я хотел извиниться перед бабушкой и сказать, как люблю ее. В голову ударил запах ее любимых тюльпанов, а рядом с ними тарелка с горой горячих пирожков, приготовленных бабушкой... Глаза затянуло белой пеленой, я вытер рукавом слезы.

Эту мысль перебила следующая, напомнив о том, как меня били в средней школе. В голове возникла картина, где я лежу на полу мужского туалета, закрывая руками лицо, а из носа хлещет кровь, пока ублюдки одноклассники пинают меня ногами... Теперь новый образ сменил прежний и начал винить меня, что я поступил, как трус и сразу же после этой драки в туалете ушёл из школы. Я объяснил родителям это тем, что в новой школе есть секция плавания, в которой я бы хотел заниматься.

"Трус! Ты должен был остаться и не дать им сломать себя! Вот и разгребаешь последствия!". Я обхватил голову руками, прям как тогда, когда меня били. Я хотел, чтобы все закончилось, но голова болела лишь сильнее... И тут резко в мыслях наступила тишина, словно кто-то нажал паузу на пульте. Я медленно открыл глаза и оглянулся вокруг. Через окно слабо пробивалось солнце, вокруг кровати скопилась нехилая куча мусора из железных банок фанты. Родители редко заходили ко мне, хотя мама старалась найти любой предлог под

видом уборки, но я просил оставить меня на время одного. Как ни странно, отношения с родителями у нас были вполне неплохими. Не то чтобы они во всем прислушивались, но мама старалась меня понять, ведь в молодости сама прошла через паршивые отношения со своим отцом. Вот она и компенсировала это со мной, а когда папа выходил из себя и начинал крушить мебель, она смотрела на него, как на своего отца в детстве – испуганно... Папа боялся этого взгляда, он работал как-то волшебным образом и отец тут же, как провинившийся щенок, прятал глаза вниз.. Видимо, он действительно очень сильно любит маму.

Когда адская головная боль отпустила, я впервые за последние три дня попытался встать с кровати. Подойдя к окну, я убрал занавеску и теперь солнце заполнило всю комнату, а я прищурил глаза от потока яркого света.

Мне почему-то хотелось впустить в мою комнату больше света. Казалось, что он способен излечить это место от царившей темноты. Я сел на кровать, от солнца стало теплее, а голова по-прежнему была пустая.

До ситуации с походом к врачу, я не особо обращал внимание на свое состояние. Первым звоночком стал случай, ко-

гда я отказался идти играть в баскетбол с моим другом Ником. По мере того, как мы не были загружены горой учебы, мы выбирались с ним на площадку, которая соединяла наши дома. Обычно это было вечернее время, когда оба заканчивали все дела, обменивались лишь одним сообщением, и с горячей головой от учебы, выходили из дома.

Я особенно любил баскетбол за то чувство, когда ты бьешь мяч об асфальт с такой силой, ощущая вибрации от удара, которые волной проходили по руке. Это давало возможность ощутить свою силу, и с каждым ударом мяча, кожа рук становилась грубее, а пульс учащался.

Не так сложно попасть в кольцо, как преодолеть путь сквозь соперника, не упустив мяч. И вот, когда ты наконец близок к щиту, ты сосредоточен лишь на том, чтобы не облажаться. Я всегда думал над тем, а что важнее – попасть в кольцо или хотя бы добраться до него? По идее, результат важнее, ведь если ты промажешь, то толку от твоей способности ловко уворачиваться от соперников. Но, если ты упустишь мяч, то почувствуешь себя ещё более разбито.

Ладно. Неважно. Мои мысли часто остаются всего лишь неоконченными монологами. Поэтому остановим тираду, я о другом хотел рассказать.

Тогда Ник скинул мне сообщение "Выходи", а я тупо смотрел на экран телефона и просто разрыдался.. Я чувствовал ужасную усталость, потратив все силы на учебу, которых еле хватило закончить с заданиями. Но когда увидел сообщение, то в голове было лишь: "Я не хочу этого. Игра больше не радует меня". Чувство пустоты – вот, что заставило меня плакать.

Грусть – это нормально. Как радость, ненависть и другие спектры человеческих чувств. Однако есть то, что я не могу описать. Меня пугает бездна внутри меня, её не обременить одним термином, ведь у каждого она по-своему особенная.

Я ничего не ответил на сообщение, проигнорировал, притворившись, что не заметил. Мне было куда сложнее объяснить причину, чем просто отмазаться.

Ник постучал по плечу, когда мы ели в столовой колледжа:

– С кем не бывает, я сам закопался с этой учебой. Сил уже нет, так бы и проспал пару суток, если бы не этот долбанный тест сегодня – с унывающим лицом протянул он.

– Тест? Я и забыл. Ладно, похер, что-то да напишу.

Уже тогда моя жизнь стала похожа на игру в дженгу. Каждое новое событие выводило меня из себя, я аккуратно вытаскивал палочку из под другой, но руки тряслись и вся конструкция падала, разлетевшись на пол.

Мне стали безразличны многие мысли. Аппетита просто не было – я правда не мог себя заставить нормально поесть. Не то чтобы меня это волновало, скорее я расстраивался, что моё непознанное состояние мешает моей учебе. Я не был зациклен на охрененных результатах, но как-то сам поставил себе планку, где родители могли бы гордиться мной.

И вот, сидя на кровати, я чувствовал запах от мусора, который валялся рядом со мной. Мне не хотелось выходить из комнаты, но и продолжать расстраивать родителей я не мог.

Первое, что я попытался сделать – это пойти в душ, чтобы привести себя в более менее человеческий вид. Мои черные волосы были так засалены, что свисали почти до плеч. Я не мылся дня четыре, поэтому пугать родителей таким видом не входило в мои планы. Выйдя из комнаты, я быстро прошмыгнул в ванную. Как только закрыл засов двери, я выдохнул, почувствовав себя детективом из какого-то опасно-

го фильма, где надо было проникнуть в комнату, оставшись незамеченным.

Освободившись от одежды, скинув ее на пол, я направился к душевой.

По телу текла горячая вода, а я закрыв глаза, думал о том, что это первое тепло за долгое время. Пар наполнил ванную, поэтому, когда я вылез из душа, то зеркало запотело. Не то чтобы я горел желанием смотреть на свой вид, но надо было оценить ситуацию, насколько я мог бы напугать маму. Я потянулся к зеркалу, протирая его ладонью от пара. Но тут же резко отпрыгнул и заорал, да так, что споткнулся и упал на пол.

– Твою мать, что это за нахрен?! – Мои руки были ледяными, сердце стучало так, что эхом отдавались звуки в голове, ноги казались неподвижными, да и в мыслях не было вставать.

То, что я увидел в зеркале испугало меня до жути, я бы мог подумать, что это последствия бессонницы или что я двинулся головой, но реальность увиденного не давала мне покоя. Меня отвлек стук в дверь.

– Рэй, ты в порядке?

– Д-да, мам, всё хорошо, – я и забыл, что крикнул так, что было слышно на весь дом.

– Чего кричал тогда?

– Я просто ударился, – я выпалил первое, что пришло в голову, моё дыхание было сбито напрочь из-за страха, изо всех сил я старался дышать спокойно.

– Сильно ушибся? Услышала, как ты пошёл в ванную и принесла тебе чистые вещи, оставлю возле двери, заberi.

– Н-нет, всё х-хорошо, спасибо.

Когда я услышал, как мамины шаги отдалились, я решил набраться сил, чтобы подняться и еще раз посмотреть в зеркало. Моя уверенность в том, что я делаю была такой же шаткой, как мои ноги.

В протертой полоске зеркала я увидел себя, худощавое тело с бледным цветом кожи, которая даже летом оставалась такой же. Я поправил немытые тёмные волосы, которые практически касались моих глаз. Обычно я укладывал свои непослушные волосы так, что был виден шрам над левым виском, но сейчас я совсем запустил свой внешний вид.

Помимо меня в зеркале отражался большой черный клуб дыма, который нельзя было с чем-то сравнить из того, что я видел в жизни. Я обернулся, ничего не было видно, но как только повернулся обратно к зеркалу, это черное скопление по-прежнему было там. Мое горло пересохло, зрачки расширились, я крепко вцепился руками в раковину, но почему-то больше не кричал и даже не попытался убежать.

Я лишь старался рассмотреть его.

Это непонятное "нечто" в отражении не пугало меня, но и чем-то нормальным его нельзя было назвать. Я продолжал стоять и смотреть на него, пока кто-то резко не дёрнул ручку двери и меня вернуло в реальность. "Говорить кому-то нет смысла, скорее всего его никто не видит, ведь когда я обернулся, "нечто" исчезло... Возможно, его могут увидеть, если будут смотреть в зеркало одновременно со мной" – мой мозг давно не работал так быстро, совершая один логический вывод за другим. "Значит мне нужно просто выйти из ванной, как можно скорее и максимально правдоподобно сыграть спокойствие. С остальным разберемся позже". Я быстро надел вещи, раскиданные по полу, более-менее пригладил мокрые волосы, и сделав глубокий вдох-выдох повернул заков двери. За дверью стояла мама, в руках была стопка моих чистых вещей:

– Ты не даёшь зайти мне в комнату, но я услышала, как ты пошел в ванную и решила.. – она отдала мне вещи, а я только растерянно схватил их и буркнул "спасибо".

Прошмыгнув мимо мамы, я зашёл в свою комнату. Первая мысль, что пришла в голову "Я хочу снова увидеть его...".

В комнате не было зеркала, и я подумал, что в папином гараже что-то уж точно можно найти. Там вечно такой хлам

из "полезных" вещей, за который его периодически отчитывает мать. Я всё же вспомнил о мусоре рядом с кроватью, и собрав его по пакетам, направился во двор дома.

Не то, чтобы меня сильно волновал запах или вид бардака в комнате, но я не хотел расстраивать мать и решил показать, что иду на поправку в своём состоянии.

Спустившись по лестнице, я быстро избавился от мусора, оставив его в общей кучи, которую должны были выбрасывать вечером. Теперь меня волновал лишь поиск зеркала, поэтому я пошел в гараж отца. Он был на работе, и вряд ли бы заметил, что я зашёл в его царство умиротворения, но все же старался быть более аккуратным. Я перебирал инструменты, перекладывая то попавшиеся дверные ручки, то пласты дерева, которые он хранил для случая "пригодится". Спустя десять минут моей игры найти то, не зная где, я достал из-под завалов старое зеркало в раме. Немного отряхнув его от пыли, но не поворачивая к себе зеркальной стороной, я схватил его под руку и понес домой. Я чувствовал себя так взволнованно, но разве так должен чувствовать себя человек, которому предстоит увидеть "нечто"?

Неважно.

Я закрыл за собой дверь, и поставил зеркало просто на

пол. Сев рядом с ним, вздохнул, как бы немного подготавливаясь к встрече. В этот же момент я повернул его зеркальной стороной к себе и снова увидел черный клуб дыма сзади себя.

Прошло несколько часов, как я изучал друга/врага в отражении. Я не знал, кем он был для меня, но пока что он не вредил мне никаким образом. За часы наблюдения ко мне пришла одна интересная мысль

– А что, если дать тебе имя? – сказал я в отражение, но ответа, конечно же, не получил.

Помню, как бабушка гладила меня по голове и успокаивала, пока я плакал у нее на коленях. Тогда я посмотрел свой первый ужастик, который шёл по телевизору. Мне было лет пять-шесть, поэтому я нехило так испугался. Бабушка продолжала обнимать меня и сказала одну важную вещь, которую я запомнил надолго:

– Мой дорогой, страху нужно дать имя, тогда он уже не будет так пугать тебя. Ведь, если ты знаком с тем, чего боишься, ты знаешь, как побороть это.

Она поцеловала меня в макушку и воспоминание рассея-

лось, как белый туман..

– Я должен дать тебе имя... Моё ты чудовище – я посмотрел прямо в отражение.

Видимо у меня настолько плохо с фантазией, что я не придумал ничего лучше, чем просто загуглить и перевести слово "чудовище" на греческий. Зато теперь у него появилось имя... Терас.

– Ну что ж, чудовище. Теперь я хочу узнать тебя ближе – я улыбнулся уголком губ, и понял, как давно не чувствовал столько жизни внутри меня и интереса к чему-либо.

На мгновение я застыл взглядом на своём отражении. Жуткие синяки под глазами, бледная и сухая кожа лица, искушенные губы...

– Я выгляжу так безнадежно? – вопрос улетел в воздух, оставшись без ответа.

Но уже через секунду я резко отпрыгнул от зеркала, чувствуя страх и интерес одновременно.

Считайте меня больным, хотя после всего можно запросто так думать обо мне, но я заметил, как Терас стал немного тучнее и темнее, когда я обмолвился о своём внешнем виде.

"Он пытается говорить со мной?" – промелькнуло в моей голове.

Я попробовал испытать теорию еще раз, и задавал разные по значению вопросы. Он менялся от темного плотно-го клуба дыма до еле бледного сгустка, теряя свою могущественную темноту. «Да» – и Терас выглядел, как темная туча, «нет» – он белел до еле серого цвета.

– Неужели я нашел способ общаться с тобой? – я ликовал как ребенок, наслаждаясь своим открытием.

Теперь я не схожу с ума. Я могу поговорить с ним. Это придало смысл, которого я давно не испытывал, теперь моя задача заключалась в том, чтобы узнать причину появления Тераса.

Несколько идей у меня было, но они нуждались в подтверждении, поскольку противоречили друг другу.

Я не испытывал страха перед чудовищем, но всё же некий холод окутывал меня, когда я смотрел на его отражение.

– Ты друг?

Он не изменился. И это показалось, мне странным.

– Значит ты враг?

Также ничего не происходило. Терас имел прежнюю форму.

– Значит ты и не друг, и не враг. И как тебя понимать тогда? Значит, плохого от тебя не ждать, и хорошего тоже.

Я задумался, погружаясь глубже в свои мысли, и мой взгляд стал расфокусированным. Лишь через несколько минут моё внимание вернулось обратно к зеркалу, и я увидел то, что трудно было объяснить. Терас напоминал огромное чёрное облако во время грозы, и теперь он словно обвил мою голову "руками". Я лишь матернулся от неожиданности, и обхватил свою голову руками, хотя смысла в этом, естественно, не было, я ведь не мог почувствовать его прикосновения.

– Ч-что не так с моей головой? Что ты делаешь?

Хоть я и открыл для себя, что Терак может «общаться» со мной посредством изменения облика своего «тела», но это по-прежнему оставляло меня в стороне многих ответов. Я не понимал, что именно он хотел от меня, но навредить он точно не мог, или же просто не хотел. За эти несколько часов, проведенных перед зеркалом, я жутко устал, мои ноги затекли, а голова раскалывалась от боли. Последнее время у меня не так много сил, поэтому такая резкая вспышка энергии опустошила меня физически, но питала моё любопытство. Я подошёл к окну, чтобы закрыть жалюзи, глаза резало от яркого солнца, и это усиливало мою боль. В школьные годы у меня часто были мигрени, возможно, из-за большой нагрузки на учебе, поэтому, когда таблетки не помогали, я просто ложился спать на несколько часов. Моя бабушка часто говорила: «Сон – лучшее лекарство от всех болезней, и душевных в том числе. Поэтому, мой милый, если твоя голова болит, просто дай ей немного отдохнуть». Я часто вспоминаю слова бабушки, и думаю, что тогда она говорила не столь про мою головную боль, ведь её слова можно сказать иначе: «... если твое сердце болит, просто дай ему немного отдохнуть».

Поэтому я лёг в кровать, стараясь скорее заснуть. Мне снился дом бабушки, отдаленные разговоры с дедушкой, которые я словно наблюдал со стороны. Во сне я был совсем маленьким, и плакал сидя у бабушки на коленях. Дедушка ходил от одной стены к другой, держа свою трость за спиной и возмущаясь: «Ну что ты, малец? Надо было им врезать,

как следует, а ты убежал к бабе плакать! Засмеют же!». Я лишь всхлипывал, пока бабушка ласково гладила рукой мои волосы. «Тише! Не ругай его, сам же в детстве удирал от деревенской шпаны!». Бабушка защищала меня, и если бы она могла, то возвела стены вокруг всего злого в мире, лишь бы я был в порядке. Даже во сне я был лишь наблюдателем, хотя мне так хотелось, чтобы бабушка обняла меня, и я почувствовал её тепло. Может она приснится в другой раз . . . Картины менялись одна на другую, а вместе с ними я гулял по просторам сна, становясь то участником, то всего лишь наблюдателем происходящего. То, что произошло дальше, напомнило те самые сны, от которых хочется проснуться, но не получается. . . . Картинка резко изменилась, и я оказался в своём доме, и почему-то прятался под столом на кухне, закрывая уши двумя руками. На вид мне было лет пять, и я чувствовал сильный страх. Родители громко кричали, по голосу отец казался выпившим и кричал на маму, чтобы она забирала детей и уходила из дома. Моё тело тряслось от страха и до меня доносились обрывки криков: «Ты изменяла мне! Это не мой сын! Забирай его и проваливай из моего дома!» – вслед за этими словами в стену полетела ваза. «Ты с ума сошёл?! Что ты несешь? Рехнулся от своего пьянства и ревности. Это твой ребенок Твой! Ясно?!» – голос мамы дрожал, но был громким. Я видел, как несколько осколков прилетело почти рядом со столом, под которым я прятался. Моё сердце билось так сильно, что отдавало ударами молотка в ушах, а

маленькие ладошки были мокрые от слёз. Я услышал испуганный крик мамы и снова звук битого стекла, но что именно случилось мне не было видно, поэтому я сам того не осознавая, в одно мгновение поднялся из-под стола, и побежал к маме. Это разбилась мамина любимая кружка, которая теперь была лишь грудой фарфора с изящно нарисованными ветвями сирени. Эту кружку маме подарил отец, когда они пошли на первое свидание в гончарную мастерскую. Я помню мамин рассказ о том, как он жутко волновался и краснел при виде нее так, что нелепо одетый красный галстук сливался с цветом его лица. На первом свидании они сделали друг для друга памятные кружки, одна из которых сейчас представляла всего лишь осколки воспоминаний. Я не успел добежать до мамы, а лишь услышал резкий писк в ушах и глухой крик. Комната резко почернела, а картинка уплыла из моего подсознания. Я очнулся, тяжело дыша с мокрыми ладонями, как и во сне. Как же приятно было ощутить облегчение от того, что всё закончилось. Но почему сон казался таким настоящим? Почему он оборвался, и я не добежал до мамы? «Это ведь всего лишь сны, они никогда не имеют логичного окончания. Просто забей. Поспал и хорошо» – мысли в голове успокаивали меня, возвращая в реальность.

Время было ближе к вечеру, а я ничего не ел за сегодня. Я знал, что, когда открою дверь, на столе рядом с ней будет стоять тарелка с маминой едой. Она продолжала беспокоиться обо мне, хотя я просил этого не делать. Отец никак

не реагировал на моё состояние, он и в глаза мне не всегда смотрел прямо. Единственное время, когда мы виделись, это за ужином, обычно мы сидели молча, каждый в своих мыслях, лишь мама старалась нарушить тишину и завести разговор. Я много учился, а выходные проводил в учебниках, вечерами выбираясь на баскетбольную площадку с Ником. Отец же был завален работой в маленькой конторе по продаже подержанных автомобилей. Я не помню, когда последний раз мы говорили с ним дольше одной минуты, поэтому не думаю, что его серьезно волновало мое самочувствие.

Мысли перебило сообщение от Ника, уже больше недели я не отвечал ему, хотя видел каждый раз видел уведомления. «Спасибо, что беспокоишься обо мне, но я не знаю, что тебе сказать» – прокручивал этот ответ десятки раз в голове, но не мог найти силы, чтобы отправить. Даже сейчас я не могу объяснить свое состояние, ведь одновременно боюсь одиночества, и нахожу в нем спокойствие. Как и многие вещи имеют две стороны, я осознал, что людям часто комфортно страдать от того, что они якобы не могут изменить. Мы просто настолько близко срастаемся со своей болью, что отними ее у нас, и мы не будем знать, как нам жить. Кто-то называет это привычкой, я же считаю, что это форма удобства при которой мы получаем некое наслаждение от своих страданий. Не скажу, что я был совсем одинок, у меня ведь есть семья и мой друг Ник, на остальные отношения с людьми просто времени не хватало. Однако, когда я остался взапер-

ти со своими мыслями, лишь тогда осознал свое истинное одиночество. Оно всегда было со мной, а я игнорировал его, нагружая себя всем, чем можно, лишь бы не видеть правду.

Я снова проигнорировал сообщение, вышел за дверь, забрал тарелку с едой и сел есть рядом с зеркалом. Из зеркала на меня смотрело уже привычное отражение Тераса, он снова обвинил мою голову «руками», а я просто продолжал есть.

– Ты хочешь мне что-то сказать? Я не понимаю тебя – Терас оставался прежним, а я продолжал есть рис с бобами. – Не похоже, что ты пытаешься меня напугать, ведь, если бы ты что-то мог сделать, то не пытался со мной «поговорить». Чем тебя так беспокоит моя голова?

Я смотрел на Тераса прямо, его темнота поглощала моё внимание, напоминая черную дыру, которая засасывает пространство вокруг. Почему-то я чувствую спокойствие, когда смотрю на него, и есть еще нечто, что я ощущаю, но пока не могу понять это.

Условно говоря, сейчас я больше не одинок, ведь в моем отражении появился Терас. Его изучение доставляло мне удовольствие, притягивало вместо того, чтоб напугать. Мы все тянемся к неизведанному, даже, если не осознаем, что за этим стоит. Жажда риска? Быть может, но думаю, всего лишь человеческая глупость и любопытство.

Последние дни у меня не было каких-то дел, я просто проводил время в комнате. Особенно много часов я находился возле зеркала, я так много изучал Тераса, что мне казалось,

что смогу заметить любое его изменение. Я будто ждал, когда он мне что-то скажет, но он не мог заговорить первым, а лишь только давал немые ответы.

Я много спал и часто думал о том сне с родителями, но его продолжение так и не смог увидеть. Мне хотелось знать, почему я не успел добежать до мамы, откуда взялся занавес темноты и почему я слышал голос мамы отдаленным эхом. Наверное, мне совсем делать нечего, если я забочусь о снах, а не о жизни.

Ник прекратил мне писать, а я каждый день собирался с силами, чтобы отправить ему сообщение. Чем дольше я откладывал это дело на потом, тем больше чувствовал вину. Временами я вспоминал наши вечерние вылазки погулять и игру в баскетбол, но эти воспоминания больше не давали света. Я не понимал, что может мне помочь, да и причину своего состояния я тоже не особо осознавал. Мама не раз говорила о том, чтобы я ходил на беседу с психотерапевтом, но давить она не могла, слишком опасалась за меня. Последняя наша с ним встреча закончилась тем, что он прописал мне антидепрессанты, однако рассказать что-то о своем состоянии у меня не было сил. Он обмолвился стандартными фразами «Через месяц на приём», «Если что-то будет беспокоить, звоните мне», «Захотите поговорить, не дожидайтесь следующей консультации, приходите». Я не знал, что ему говорить, о чём я могу вообще рассказать человеку, которого и не знаю? Мне было трудно самому себе что-то сказать, я и

говорить с собой начал только через Тераса. Так я чувствовал, что не один, меня слушают, но и мой бред никто осудить не мог, ведь Терас явно никому не расскажет сказанное мной. Вот я и сидел часами перед зеркалом, всматриваясь в его черную материю и рассказывая ему фрагменты воспоминаний из детства. Больше мне нечего было сказать, моя жизнь сейчас была заполнена только учебой и страхами перед своим будущем. Никто никогда от меня ничего не требовал, но я сам для себя был самым суровым судьей. А сейчас мне то и судить было нечего, наверное, я просто проиграл суд, но почему-то не расстроился, а лишь почувствовал облегчение.

В один из дней, перелистывая свои воспоминания в голове, я вспомнил один важный фрагмент – моя первая влюблённость. Когда-то я спрятал это воспоминание в старые шкафы моей помойки разума, но раз уж сейчас я бродил в каждой комнате, то невольно наткнулся на эти обшарпанные и пыльные шкафы. Доставать этот фрагмент не было уж таким приятным занятием, но если я занялся этим, почему бы не рассмотреть ближе эти старые воспоминания. Это произошло три года назад, хотя история началась значительно раньше.

Тогда мы ещё гуляли с Ником не только вдвоём, а вместе с нашей общей подругой Дженни. Что сказать о ней? Милая, забавная, прямая в словах, с характером искры, поджигаю-

щей всё вокруг. В ней я находил то, чего не хватало мне самому – смелости. Мы влазили во всякие передряги, воровали яблоки на рынке, дрались со школьными хулиганами, которые задевали слабых ребят из нашего класса. С ней я чувствовал свою силу, будто не было в голове преград. Я дышал так свободно, ведь легкие были наполнены цветущей омегой, которая так ждала первого поцелуя. Но я редко позволял себе об этом думать, пряча желания, как можно дальше. Бывало, что мы втроём прогуливали последние уроки, покупали пиццу в ближайшем магазине и бежали в заброшенный парк, который давно зарос высокой травой. Там было спокойно, и редко кто приходил, ведь власти города решили направить деньги на другие «нужные» дела, а парк загадили и запустили так, что люди боялись туда ходить. А для нас это было идеальным местом, поэтому мы всегда шли к большому дубу и прятались от солнца в его тени.

В один из наших последних побегов, мы привычно забежали за пиццей и направились в наш парк. Мы втроём упали на землю и смеялись от того, какую версию побега каждый из нас придумал. Конечно же, мы не могли уйти из школы без следа, поэтому приходилось искусно врать так, чтобы учитель не заподозрил почему это нам втроём резко стало плохо. Дженни ссылалась на боль из-за женских дней, у Ника якобы резко умер очередной хомяк, и он актерски плакал навзрыд так, что учитель жалел его и отпустил домой, так как не мог больше слышать этот рёв. А я просто сослался на

острую боль в животе и соврал, что дома ждёт мама и она вызовет врача. Креативом я особо не отличался, но зато с каждым разом всё лучше овладевал искусством врать, чего в начале у меня получалось совсем ужасно.

Всё еще заливаясь смехом, мы лежали на траве и смотрели в небо.

– У меня получилось – резко прервала наш смех Дженни.

– Ты о чём? – непонимающе посмотрели мы на неё.

– Я уезжаю, ребят.

– Как это?! – голос мой пересох и звучал надрывисто тихо.

– Родителей тут ничего не держит, папу повысили, а дом они пока не хотят продавать, прикипели к нему. Надеяться, что будут ездить сюда летом, отдыхать от шума города.

Я же говорил, что Дженни отличалась своей прямоотой, поэтому за ее слова я не мог прочесть грусть, возможно, её просто и не было.

Мы сидели молча. Как друзья, мы, конечно же, должны были порадоваться, но Дженни презирала лицемерие и поэтому спокойно реагировала на наше молчание.

Ник задавал кучу вопросов, от названия города до номера школы, куда уедет Дженни. Я же не мог собраться с мыслями, чтобы задать хоть один вопрос, поэтому со стороны казалось, что меня не особо волнует её отъезд.

То, что спасло меня в тот момент – внезапно начавшийся ливень.

Домой мы решили добраться на автобусе, поскольку наша

одежда промокла насквозь.

Мы забежали в заполненный людьми автобус и заняли последние три места. С волос стекали капли дождя, а зубы стучали от холода. Из-за переполненности людьми, мы сели так близко, что Ника прижала какая-то женщина. И тут я резко ощутил, как меня обдало горячей волной, когда Дженни случайно соприкоснулась своим коленом с моим. Я смотрел прямо, боясь опустить взгляд вниз, но отчетливо чувствовал тепло исходящее от ее тела. Из-за столпотворения в автобусе, мы все были прижаты так, что пошевелиться особо не было возможности. Я чувствовал, как моё сердце бьётся с непривычной ему скоростью, но когда я набрался сил и посмотрел на Дженни, она смеялась с шуток Ника и для неё ничего такого не происходило. Жаль, что я не обратил внимания ещё тогда, может быть, мне стало бы легче.

Тогда я не знал, смогу ли я прикоснуться к ней ещё раз, и боялся, что это тепло, которое я испытывал в тот момент, больше не повторится.

Времени до отъезда Дженни оставалось всё меньше, а моих сомнений становилось лишь больше. Я ломал голову нужно ли мне сказать ей о том, что чувствую или оставить это лишь в моей голове. Видеться мы стали меньше, так как она была занята делами касаясь переезда. Так и прошли мои дни, наполненные молчанием и сожалением. Я ничего не сказал Дженни.

За час до ее отъезда мы втроём увиделись на нашем привычном месте, в парке. Ник выглядел довольно бодро, хотя знаю, что ему наверняка тоже было непросто, ведь наша троица рушилась, и, к сожалению, дружба на расстоянии не заменит то, что у нас было. Каждый займётся своими делами, а я с головой уйду в учебу, чтобы меньше думать о том, чего уже не будет.

– Эй, не грустите, засранцы! Я же начинаю новую жизнь, но и старую забывать не собираюсь. Может именно с этого дня начинается моё взросление.

«Начинается взросление» – фраза, которая еще несколько месяцев не могла выйти из моей головы. Тогда я понял, что взрослеешь ты тогда, когда что-то теряешь, и чем ценнее это для тебя, тем сильнее твое взросление.

Мы обнялись втроём, и сквозь макушку её светлых волос, я посмотрел на дерево сзади нас. В тот момент, я хотел иметь способность сохранять моменты, как на фотографиях, и возвращаться к ним, когда почувствую необходимость.

Дженни уехала, а я так и ничего не сказал ей.

После я понял, что проиграл и выиграл в одночасье. Одержал победу, поскольку не сказал ей о чувствах и не поставил в неловкое и тупое положение. Проиграл, потому что чувствовал, что влюблен был лишь я.

Моя влюбленность была так наивна, что мне было бы достаточно обмолвиться с ней пару фразами и знать, что она в порядке. От её голоса мне становилось легче, но я больше

не мог его услышать. Тогда мне пришлось затушить в себе это чувство, ведь кроме меня оно никому не нужно было. И я потушил, со временем....

Бросил окурок и пошёл дальше, став чуть холоднее к тому, что меня окружает.

Я как-то задал себе вопрос: «А чего я вообще хочу?». Кроме как, просто существовать, стараясь меньше волноваться о разных вещах, я не нашел других ответов. И в тот момент у меня возникла картинка в голове, как я сижу на берегу моря и мне спокойно. Это чувство обдало меня тёплым ветром, мысленно перенося к берегу.

Я захотел прикоснуться к этому чувству и решил выйти из комнаты, всё равно я пока был освобожден от занятий, и времени у меня было предостаточно, чтобы тратить его куда пожелаю. Но я ничего не желал, кроме как ощутить давно потерянное чувство спокойствия.

В этот момент я почему-то вспомнил о сообщениях Ника, чувство одиночества перемешалось с чувством вины перед ним. Мы давно не общались, а игнор с моей стороны лишь усугубил нашу дружбу. Не знаю, хотел ли я этого, но в порыве импульсной мысли, я взял телефон и отправил Нику сообщение «Ты занят? Встретимся на пляже через полчаса?». Мы не любили людные места, там невозможно было спокойно поговорить или остаться наедине с собой, поэтому как-то нашли «свой» пляж. Рядом шла многолетняя стройка, кото-

рая, казалось, никогда не закончится, деньги перестали выделять, а оборудование никто не забирал, поэтому там по-прежнему стоял забор с табличкой «вход посторонним запрещен». Как-то гуляя вечером рядом со стройкой, мы случайно заметили, что забор обрывается, не доходя до воды. Пробираясь вдоль запрещающей таблички, мы увидели, что за углом между забором и морем есть небольшой участок пляжа, который не виден, пока не подойдешь к нему, поэтому никто о нём не знал.

«Хорошо» – Ник прислал сообщение. Я почувствовал сильную тошноту, которая словно душила меня. Мы не виделись несколько недель, поэтому когда-то привычные встречи стали чем-то настолько трудным для меня. Мне хотелось увидеться с Ником, но при этом возникали мысли всё отменить и остаться в комнате. Я подошёл к зеркалу и посмотрел на Тераса.

– Мне страшно... мне страшно, ведь что-то могло измениться. Во-первых, это ты. Хоть тебя и не видят другие, но я знаю, что ты есть и по-прежнему не могу понять, почему ты появился. А вдруг это как-то повлияло на меня? Что, если я изменился? – страх одолевал сильнее, тошнота была невыносимой, а пульс звучал в моей голове.

– Терас, я должен идти? – чудовище было похоже на надвигающуюся чёрную тучу, а это означало ответ, от которого я почувствовал некое облегчение.

Схватив рюкзак и телефон, я побежал к пляжу, он был не

так далеко от моего дома, но я потратил много времени на сомнения, поэтому опаздывал на встречу.

Пробираясь вдоль забора, я обошел угол и увидел, что Ник уже был на месте.

– Привет, – моё дыхание было сбито, голос был не естественным, – извини, что пришлось ждать.

– Привет, да не парься – холодно отозвался Ник.

Он не был похож на привычного себя, который даже в самой дерьмовой ситуации излучал улыбку и пофигизм. Из-за этого я чувствовал еще большую вину, что сделало разговор напряженным.

Мы сели на большие камни возле забора и Ник достал сигареты.

– Будешь? – он протянул мне одну.

– Д-давай, – я удивился, ведь мы оба раньше никогда не пробовали курить, но почему-то согласился.

Я сделал первую затяжку, но не стал задыхаться от кашля, как показывают в фильмах, а лишь почувствовал, как горький на вкус дым заполняет легкие. Не скажу, понравилось мне или нет, но после второй сигареты я постепенно начал чувствовать спокойствие, которое подобно дыму наполнило моё тело.

– Когда вернешься на учёбу?

– Не знаю.

– Почему не отвечал на мои сообщения? – Ник не смотрел в мою сторону, его больше притягивало море, от того вопро-

сы казались сухими, будто посланные не мне.

– Не знаю... – и я, правда, не знал, что сказать.

– Люди так интересно устроены, они волнуются о себе настолько, что всё вокруг них становится незначимым, а важно оно для них лишь тогда, когда им хорошо.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты не отвечал мне не потому, что не знал, что сказать, а по той причине, что был слишком занят, разбираясь с самим собой.

– Хочешь сказать, я эгоист? Я просто не знал, что ответить, у меня не было сил написать сообщение или объяснить, что со мной.

Чувство вины сменилось на злость, почему Ник не мог понять, что мне было просто хреново? У меня не было сил написать даже это долбанное сообщение.

– Силы есть всегда, даже у умирающего человека, который говорит семье, как сильно их любит. Ты же не то, чтобы не нашёл времени и желания ответить на мои сообщения, ты просто не подумал о том, как я. Ты был слишком сосредоточен на том, как ты.

Ник встал с камня, закурил сигарету и ушел с пляжа, скрывшись с моего вида через несколько секунд, как только зашёл за забор. У меня не было желания остановить его, сказанное им, ударило по мне волной злости. Я злился на него и на себя одновременно, Ник видел во мне эгоиста, а я видел болезнь, которая забрала все мои силы. Но может он был

прав, кроме своей боли я не видел боль других.

Подойдя к воде, я увидел размытое отражение Тераса. Несколько секунд я всматривался в его очертания, а затем со всей силой ударил ногой по воде.

– Это ты во всём виноват! Ты, ты, ты! Из-за тебя я такой, из-за тебя я теряю свою жизнь!

Я упал на колени, разрыдавшись, как ребёнок. Холодные волны бились об мои ноги, а слезы омывали лицо. Впервые за долгое время я почувствовал слабое облегчение, которое вышло из меня плачем. Я дал себе время, чтобы выплакать боль, которая комом стояла в горле.

....

Я пришёл домой под вечер, жутко уставший завалился спать. Прошло несколько секунд, как я снова увидел хорошо знакомую мне кухню, и тут же крик мамы затмил чёрный фон, который был похож на вставку, которую часто используют в кино. Сон будто поставили на паузу и продолжили с интересующего момента, при том, что прошла уже неделя, если не больше. Разве так бывает?

Следующая картина происходила в светлом кабинете, возле меня стоял врач и осматривал мою голову, что-то невнятно объясняя матери. Слова становились все яснее, но я слабо мог разобрать их. Я дотронулся до головы, и почувствовал сильную боль в области левого виска. Мама бросилась ко мне словами:

– милый, не надо, нельзя трогать руками!

– она схватила меня за плечи.

Я чувствовал себя, как в тумане, поэтому просто послушался ее и не стал задавать вопросы.

– Обрабатывать швы нужно пять-шесть раз в день, я выпишу вам лекарства и покажу, как все правильно делать самостоятельно.

Пропускать процедуру обработки ни в коем случае нельзя, иначе может пойти нагноение – врач объяснял все медленно и разборчиво, но я все равно ничего не понимал, что он имел в виду.

– Да, конечно, я все понимаю, – мама отрешенно кивала головой, скрестив руки и смотря куда-то в пол, будто чувствуя стыд.

– Через неделю придете ко мне на приём, снимем швы и осмотрим голову ещё раз.

– Конечно... спасибо, доктор, – мама продолжала смотреть в пол.

Сцена переключилась, словно пультом, и мы с мамой оказались в той же самой кухне, но дом был жутко пустым и тихим. За нами закрылась дверь, когда мы вошли в гостиную, соединенную с кухней.

Я не слышал привычных криков, но увидел, как отец сидел на лестнице, ведущей на второй этаж. Он смотрел в пол, эта картина напомнила взгляд матери в больнице. Отец явно слышал, как мы зашли, но казалось, что он был где-то не здесь.

Мама взяла меня за руку, и мы молча поднялись по лестнице, пройдя рядом с отцом. Я посмотрел на него и успел словить его секундный взгляд, наполненный слезами и читаемой в нём виной. Мне стало жаль отца, я протянул руку, чтобы погладить его по голове, но мама быстро одернула меня и ускорила шаг в направлении моей комнаты.

Сон развеялся серым туманом, а я лежал в своей кровати и не мог открыть глаза. На меня словно давила огромная плита и раз за разом я прокручивал детали сна в своей голове. Послевкусие от увиденного было жутким, я чувствовал себя еще более выжатым, чем после разговора с Ником.

Была ночь, сколько точно времени я не знаю, но моё со-

знание было настолько ясным, что заснуть мне больше не удалось, поэтому я встал и подошёл к зеркалу. Этот ритуал я проделывал настолько часто за последние недели, подобно тому, как люди желают друг другу доброе утро и спокойной ночи, так и я подходил к Терасу, чтобы рассказать о своих переживаниях и мыслях. Он внимательно слушал, хотя по сути другого выбора у него и не было, но от "разговора" с ним мне становилось спокойно. Иногда мне казалось, что я похож на психа, говорящего со своим отражением, но может благодаря Терасу я смог хотя бы заговорить с собой, чего никогда особо не делал ранее.

– Наверное, странно видеть сны, которые по сценарию связаны между собой. Я не очень понимаю смысл снов, но после некоторых из них под кожу закрадывается ощущение, что всё настолько реально – Терас слушал молча, впрочем, как и всегда.

– Мне приснился один сон, точнее два, но в разные промежутки времени. По смыслу второй сон являлся продолжением первого, в котором мои родители сильно ругались, а я, будучи маленьким, прятался под столом. В момент ссоры что-то с силой упало об стену, я так испугался, что бросился бежать к маме и тогда сон оборвался. В другом же сне я проснулся в больнице, рядом была мама и врач, я лежал в больничной постели и чувствовал сильную головную боль. Можно ли вообще чувствовать боль во сне? Но она казалась такой ощутимой.

Потом мы с мамой пришли домой, я увидел отца и хотел с ним заговорить, но она не дала мне и увела в комнату.

Может, эти сны не имеют какого-то смысла, но послевкусие от них меня немного беспокоит. Есть ли смысл чувствовать себя так от того, чего не было? Это ведь просто сны, – я внимательно смотрел на Тераса, мне было достаточно того, что меня кто-то слушает, и я не держу всё это в моей голове.

Раньше у нас были очень доверительные отношения с Ником, мы говорили обо всём, что происходило в наших семьях. Единственное, что я утаил от него, это мои чувства к Дженни. Всегда есть вещи, которые мы оставляем лишь в наших мыслях, опасаясь нарушить нечто привычное или стать уязвимыми. И когда я заболел, мы отдались ещё больше, а последний разговор разделил нас словно молния, ударившая в дерево во время грозы.

В какой-то момент я переключился с мыслей и посмотрел на себя в зеркало, синяки под глазами, растрепанные волосы, которые явно требовали стрижки и банального мытья головы, ключицы выпирали, как никогда прежде, видимо я всё-таки скинул несколько килограмм. Вид был не совсем жизненным, но кое-что оставалось почти неизменным – светло-зелёные глаза с еще горячей искрой к жизни. Несмотря на болезнь, я всё ещё жадно хватался за жизнь, хоть и сил на это совсем не было. Я чувствовал себя как тот, кто хочет встать и пойти, но чувствует сильную боль в ногах, поэтому и падал при очередной попытке.

Смотря в зеркало, мне казалось, что Терас становился темнее и почему-то опять пытался охватить мою голову. Я не испугался, как первый раз, а внимательно изучал его. И когда попытался отойти в сторону, оставаясь в пределах зеркала, он двигался за мной и окутывал мою голову своими «руками».

– Да что опять? Как я должен понять тебя, если ты не говоришь?

– А разве ты хочешь меня слышать? – моё лицо резко побледнело, а ноги подкосились, когда я услышал, как Терас обращается ко мне.

– Тт-ы можешь говорить? В смысле?! Так почему же ты молчал твою мать?

– Говорю я или нет, это не так многое решает. Не все ответы можно получить, просто спрашивая напрямую, не думал об этом? – Терас обладал холодным и размеренным голосом, его ничуть не колебал мой гнев, а напротив, будто забавлял.

– Да это дохрена, что решает! Я бы давно узнал, кто ты или что ты, откуда появился и для чего вообще.

– Видишь, ты задаешь вопросы, на которые легко можешь получить ответы, но подумай хорошо, получишь ли ты то, что тебе истинно нужно.

– Что ты имеешь в виду?

– Кто Я? Терас, ты сам дал мне имя. Почему Я и для чего? Это не мне отвечать, а тебе. Ты уже определил, что я не являюсь другом или врагом, тогда кто же я?

– Откуда мне знать?

– Отражение.

– Какое нахрен отражение? – даже получая долгожданные ответы, я чувствовал себя ещё более запутанным.

– Когда я появился?

– Примерно две недели назад.

– Ты уверен?

– Может я, и не помню какой день сегодня, но точно уверен, сколько прошло времени с момента, как я стал психом, который разговаривает с зеркалом.

– Ты уже видел меня, но забыл нашу первую встречу.

– Видел тебя? Как такое возможно? Я ничего не помню, – я бегло искал Тераса в своих детских воспоминаниях, словно листая книгу в поиске той самой подчеркнутой цитаты, но найти ничего не смог.

– Ты спрятал меня так глубоко внутрь себя, потому что испугался правды.

Когда ты был маленьким, мы уже говорили с тобой, ты любил играть сидя перед зеркалом и рассказывая мне всё о своих игрушках. Как-то во время одной игры в комнату зашла твоя бабушка и случайно увидела, как ты говоришь с зеркалом. Она испугалась за тебя и решила убедить, что меня не существует. Твоя бабушка посадила тебя на колени и начала расспрашивать тебя, что именно ты видишь в зеркале, и конечно же, ты ей всё выдал на чистоту. Она же убеждала тебя в том, что чудовищ не существует, что это лишь

человеческие фантазии играют с людьми, подобно тому, как вы видите сны, которые переходят в реальность, и когда ты перестанешь верить в то, что видишь, оно исчезнет. И она была права. Я исчез, когда ты прекратил со мной играть, потому что потерял доверие ко мне. А если человек усомнится в том, что видит пред собой, он теряет право лицезреть это.

– Значит, я видел тебя, будучи ребёнком? Но я совсем ничего не помню, – голова раскалывалась от мыслей, я пытался найти воспоминание, которое казалось и не существовало никогда, но почему-то я верил словам Тераса.

– Так что же ты за отражение?

– Отражение страха, боли, тёмных и пугающих мыслей, который каждый скрывает в себе. Я отражаю то, что находится в глубинах человека, чего он боится увидеть в себе и уж тем более показать другим. Именно поэтому каждый способен увидеть лишь своё чудовище, и никто кроме него не может лицезреть истинное отражение человека.

– Значит, отражение есть у каждого?

– И да, и нет. Оно появляется лишь тогда, когда человек истинно нуждается в нём, чтобы найти свои ответы. Но не задавая правильных вопросов, не получишь нужные ответы.

– Тогда почему ты ответил мне?

– Стало скучно, решил поговорить с тобой.

Я замолчал на несколько минут, в комнате нависла тишина, прерываемая лишь звуками веток, бьющихся об окна из-за сильного дождя.

– Почему я видел тебя в детстве?

– Вот, наконец, ты начинаешь задавать верные вопросы, – в голосе Тераса звучало нескрываемое удовольствие от победы. – Ты рассказывал мне свои сны, а я старался тебе помочь, натолкнуть на мысль, но, увы, ты меня не услышал. Я не мог, да и не хотел, сказать напрямую, ведь есть вещи, которые ты должен познать сам. И если есть нечто важное, что ты забыл в детстве, благодаря чему смог увидеть меня, будучи ребёнком, то сейчас пришло время вспомнить это.

– Я не особо понимаю, о чём ты говоришь. Ты мне помогал? Но как? Ты всё время молчал и смотрел на меня, единственное, что изменилось в твоём поведении за всё время, это то, как ты несколько раз обхватывал мою голову, становясь огромным чёрным скоплением дыма, напоминающее тучу пред грозой.

– Верно, а теперь закрой глаза и постарайся вспомнить, как ты играл и разговаривал со мной.

Я не нашёл, что ответить, поэтому просто послушался его и сделал всё, что сказал Терас. Как же трудно было сосредоточиться на воспоминаниях, прошло около получаса, но я не сдавался и продолжал перерывать воспоминания. Это было похоже словно я ищу старую книгу среди множества других, но не знаю ни ее названия, ни автора, что значительно усложнило задачу.

«– Милый, отойди от зеркала! Иди ко мне, я покажу тебе новую книжку!» – кажется я нащупал его! Вот оно, тот

самый момент о котором говорил Терас. Я увидел бабушку, стоящую в проеме дверей и раскрывшую руки в ожидании пока я подойду к ней.

«То, что ты видишь в зеркале, это всего лишь твой страх. Он может быть добрым к тебе, или же очень сильно напугать тебя.

– Но, бабушка, я не боюсь его!

– Ну, ну, милый, тише, я и не говорю, что тебе нужно его бояться, – она нежно погладила мои волосы, – страхи созданы не для того, чтобы мы убегали от них, но иногда нам стоит забыть о них, дождавшись момента, когда мы сможем с ними справиться.

– Я не хочу забывать своего друга, – я надул губы и опустил голову, – тогда с кем я буду говорить?

– Ты всегда можешь поговорить со мной, милый.

– Но ты не всегда рядом, часто я не вижу тебя несколько дней, а то и больше, – я говорил тихим голосом, по-прежнему не поднимая голову, – а мама и папа не говорят со мной, они только кричат друг на друга и мне приходится закрывать уши подушкой, чтобы не слышать их слов.

– Мой дорогой... мне очень жаль, – бабушка ответила еле тихо, с сильным сожалением и виной в словах, что не в силах меня защитить, – но сейчас ты ещё не готов бороться со своим страхом, поэтому тебе нужно поверить, что его нет».

Воспоминание рассеялось, я открыл глаза и почувствовал ноющую боль в сердце.

После разговора с бабушкой я и правда забыл Тераса, и нашего с ней разговора будто не было. Она так сильно старалась защититить меня, даже помогла поверить, что моего страха нет, поэтому я забыл, что уже видел Тераса. Мне так не хватало её, в воспоминаниях я помнил, как тёплая рука бабушки коснулась моей головы, случайно задев рану. И я вспомнил кое-что ещё... Шрам.

Я уставился в одну точку, не замечая Тераса.

– Ну что, теперь ты понял? – он сказал это с нескрываемым ликованием, так, будто долгожданная игра началась.

Недостающий пазл в моей голове сложился в целостную картину, сон, который я видел, был не просто иллюзией моего сознания, а вырезанным фрагментом из памяти. Я вспомнил, как сидел под столом, прячась от их криков, в тот момент что-то ударилось об стену и вдребезги разбилось, я так сильно испугался, что выбежал из-под стола прямо к маме. Дальше я не помню, ведь пришёл в себя уже в больнице с сильной болью в области левого виска.

– Мать сказала, что я упал с велосипеда, когда был маленьким, – я продолжал смотреть мимо Тераса, тщательно пересматривая свои мысли, теперь всё было похоже на быструю перемотку фильма.

– Теперь ты знаешь, что это не так.

Я больше не слышал Тераса, быстро поднявшись с пола я вышел из комнаты и направился на кухню. Дома не было

никого, кроме матери, она вернулась с работы несколько часов назад и сразу принялась готовить ужин.

– Мам...

– Ох, Рэй, ты меня напугал! – она схватилась рукой за сердце, тяжело дыша.

– Нам нужно поговорить, – я был настойчив, чего обычно от меня не наблюдалось, из-за этого в глазах матери читался немой вопрос.

– Всё в порядке? Ты плохо себя чувствуешь? – она мягко коснулась моего плеча, но я одернул её руку.

– Почему ты никогда не говорила мне откуда у меня шрам над виском? – я пристально смотрел матери в глаза, и никогда ранее не позволял себе говорить с ней в таком тоне.

– Рэй... ты всё помнишь?

– Да, чёрт возьми, теперь я всё помню, – моя злость накалялась, мне казалось, что всё внутри жутко горит.

– Милый, успокойся, прошу, давай поговорим.

Она взяла меня за руку и повела в сторону дивана. Я отпустил её руку, но всё же последовал за ней. Присев на край дивана, мама опустила взгляд и начала говорить.

– То время было трудным для нашей семьи. У твоего отца были большие проблемы на работе, плохо шли продажи и фирма была на грани закрытия. По вечерам он начал выпивать и срывать свою злость на мне. Я делала всё что могла, поддерживала и не обвиняла его, ведь дело всей его жизни рушилось у него на глазах. Алкоголь не помог твоему отцу,

а лишь усложнил отношения между нами, что и привело к тому, что произошло.

– Если он так долго выпивал, почему ты не поговорила с ним или не ушла вместе с нами к бабушке?

– Я не могла оставить его, Рэй. Ему нужна была поддержка, поэтому она ничего не знала о случившемся.

– Какая нахрен поддержка, если он позволил себе сделать такое с тобой? – я злился и не мог понять мать.

– Мы не знали, что ты спрятался под столом. В тот момент твой отец замахнулся и бросил стакан об стену, осколки которого попали в тебя. Что произошло дальше, ты, вероятно, знаешь.

– Ладно я, но почему ты не развелась с ним?

Почему ты не пыталась защитить себя и своих детей?

– Твой отец обещал, что больше такого не повторится. Он ненавидел себя и больше не притронулся к бутылке, с того дня он ни разу не выпил даже стакана.

Я простила его не сразу, несколько лет наши отношения были такими сложными, что он пропадал на работе допоздна, лишь бы не смотреть мне в глаза. Мы спали в разных комнатах, он чувствовал пожирающую его вину и не мог ничего сделать с этим. Мы почти не разговаривали, он не смотрел мне в глаза и совсем отдалился от нас. Сначала я опасалась, что он разлюбил свою семью, и со страхом ждала дня, когда он предложит развод.... Но однажды я спускалась по лестнице и случайно увидела, как он подсматривал за тем, как

ты играл строил город из конструктора. Отец любит тебя, но не мог простить себя.

Мы сидели молча, мама крепко сжимала в руках край своей рубашки.

– Я вернусь на учебу, – это было единственное, что я мог сказать. Тогда мне казалось, что это поможет мне избежать разговора с отцом. Если же я останусь дома, то не смогу справиться с тем, что происходило внутри меня.

– Почему, милый? Ты ещё не оправился, и консультация у врача будет только через неделю, – мама выглядела совсем поникшей, я ничего не мог сделать.

– Так будет лучше, – я поднялся и вышел из комнаты.

...

Утро казалось привычным, словно я вернулся на несколько недель назад, и ничего этого не было, ни встречи с Терасом, ни моих кошмаров, ни разговора с мамой. Я проснулся как обычно, оделся в слегка мятую белую рубашку и чёрные джинсы, по привычке посмотрел в зеркало, чтобы пригладить взъерошенные волосы. Ничего не сказав Терасу, будто его там и не было, я молча взял рюкзак и отправился в колледж.

Следуя привычной дорогой, я давно не чувствовал себя настолько живым. Под ногами лежали опавшие листья, а я был одет совсем не по погоде. Когда успела наступить осень? Уже и зима скоро, а я всё проспал. Проходя мимо баскетбольной площадки, я всегда раньше думал «Надо позвать

Ника вечером на игру, а то совсем голова кипит от учёбы», сейчас же я не знал, когда мы сможем снова сыграть вместе. От этого мне было не по себе, ведь последний наш разговор совсем не выдался. Мне хотелось поговорить с Ником, рассказать ему, почему я так себя вёл, и даже на секунду пришла глупая мысль, сказать ему о Терасе и разговоре с мамой. Мы сильно отделились, но он по-прежнему оставался тем, кому я доверял больше всех.

Зайдя в кабинет, одноклассники во всю смотрели на меня, а я просто молча кивнул и сел на свободное место. Ник лишь на секунду окинул меня взглядом и быстро отвернулся. Он сидел с другим парнем, это явно усложняет мою задачу поговорить с ним.

Пары закончились после обеда, я совсем отвык от привычного режима и чувствовал себя жутко уставшим и подавленным. За весь день я так и не смог поговорить с Ником, да и сделать это при других было неудобно. За обедом он сидел с другой компанией, будто специально окружив себя людьми, не оставив места для меня. Ник не говорил с ними, ему не было до них и дела, он молча ел и смотрел в тарелку.

После пар я медленно побрел домой, пиная листву и чувствуя, как моя рубашка намокает от морозящего дождя. Мимо меня пронёсся Ник, я еле успел его увидеть и тут же побежал за ним.

– Стой, да стой же ты! – я дотронулся до его плеча в попытках остановить его.

– Чего тебе? – холодно ответил Ник.

– Я хочу всё исправить.

– Нечего исправлять, всё в порядке.

– Да ни черта не в порядке. Мы больше не говорим, как раньше, не сидим за одной партой, не обедаем, не играем в баскетбол, мы больше не шутим и не смеемся, всё исчезло и я хочу всё вернуть.

– Что-то меняется раз и навсегда, просто прими это, Рэй.

– Не хочу, – твердо сказал я.

– Ничем не могу помочь, извини, – Ник ушёл в сторону автобусной остановки, оставив меня одного с мыслью, что не всё можно изменить, как мы того желаем.

Я чувствовал себя разбитым, и не понимал, почему Ник не может поговорить со мной, у меня ведь тоже была причина злиться на него за то, что он считал меня эгоистом и даже не задумывался о моём состоянии.

– Бесполезно, ну и пошло оно всё, – сказал я вслух и пошел домой.

...

Зайдя домой, я увидел отца с матерью, обедающих за столом. Семейная идиллия, которая выглядела так лицемерно, ведь пятнадцать лет назад на этой же кухне отец швырнул в мать ее любимую кружку, а следом стакан, который оставил шрам на моем лице.

После неудавшейся попытки помириться с Ником, я был сам не в себе от злости, что вокруг меня все были так спо-

койны, когда внутри меня кипел вулкан.

Не выдержав этого чувства, я подошёл к отцу.

– Плевать на меня! Это случайность и я не тупой, чтобы винить тебя в том, что у меня остался шрам на всю жизнь. Но если бы я, будучи мелким ребёнком, не заступился за маму, этот удар пришелся бы в неё! Ты понимаешь это?! – я никогда не повышал голос на отца, то ли из-за уважения, то ли из-за того, что мы почти не общались.

– Рэй, не кричи на отца, – мать вступила в разговор, пока отец продолжал молча есть.

– Да вы оба походу не понимаете! Ты ставила под угрозу жизнь своих детей, оставаясь с отцом и терпя его пьянки и скандалы! Отлично, просто прекрасно!

– Уже прошло много времени, чтобы говорить об этом.

– Для вас может и прошло, я же узнал об этом только сейчас. Я должен делать вид, что ничего не произошло? – я не мог успокоиться, чувствуя, что им нет дела до того, что я чувствую.

– Рэй, пожалуйста, прекрати себя так вести.

– Хорошо, мам, как скажешь!, – я пнул ногой стул и пошел к себе, ведь здесь меня всё равно не услышат.

Я устал, я так сильно устал, чувствуя одиночество, злость и обиду. Все чувства перемешались в единый спектр, если до этого были светлые оттенки, то они просто превратились в одну сплошную темную массу. Я не знал, где искать спасение

или хотя бы поддержку, но всё же у меня ещё был Терас, который слушал всё, что я говорил ему.

Я закрыл глаза и слезы потекли по лицу. «Бабуль, я так скучаю по тебе, мне так не хватает твоего тепла, ведь ты всегда старалась защитить меня. Если бы я мог поговорить с тобой, ты бы поверила мне, что у меня есть моё собственное чудовище?».

Жаль, что есть вопросы, которые остаются без ответа, много чего мы не в силах узнать. Может я не смогу уже поговорить с бабушкой, но я помню ее тепло и думаю, она бы поняла меня. Я повернулся к рамке с фотографией, стоявшей на столе, на ней я сидел у бабушки на коленях и заливался от смеха из-за того, что она щекотала меня. Любовь живет в воспоминаниях о человеке, которого уже нет. Я обнял подушку и постарался заснуть.

...

Следующие дни на учёбе напоминали один сплошной день сурка до того, пока не случилось это.

Пара началась к восьми, и поэтому уже который день не мог выспаться. Сидя за столом, я совсем не прислушивался к словам учителя, мысли мои были направлены на тот самый разговор с родителями. Я старался переварить всё, что сказал им, несмотря на наполняющую меня злость, во мне блуждали слабые отклики вины, ведь никогда ранее я не говорил с отцом настолько прямо, не заглушая эмоций. Эти несколько дней мы не разговаривали, даже не встречались в

одном доме, видимо каждый из нас избегал любой возможности оказаться рядом и взглянуть в глаза.

Мой телефон завибрировал, я бегло окинул его взглядом и увидел сообщение от мамы – «Поговори с отцом».

Экран погас, а я ничего не ответил. Я знал, что игра в молчанку должна будет закончиться, но не был готов к этому так быстро. Мои мысли усилились, это напомнило момент, когда ты словно катаешься на карусели у которой сломался двигатель и она вращается всё с большей и большей скоростью. Когда я только узнал о произошедшем в детстве, то ужасно злился на отца, но после нашего разговора, я не мог понять мать. Почему она простила его? Как позволила снова впустить отца в нашу жизнь? Разве она не боялась, что в какой-то момент у него может снести крышу и всё закончится намного хуже, чем тогда.

Мои ладони были мокрыми, пульс был настолько быстрым, что звуки отдавались эхом в ушах, ком подкатил к горлу, но я не понимал, что со мной происходит. Мне хотелось плакать, чтобы освободить себя от этой тяжести, но давящее чувство во мне становилось лишь сильнее, да так, что было трудно дышать. У меня не было сил что-то сказать, иначе слёзы полились бы непрерывным потоком, я лишь успел поднять руку, на что учитель одобрительно кивнул, и я быстро вышел из кабинета. Я плохо видел людей вокруг себя, и вообще плохо соображал, поэтому первое, что пришло в го-

лову – пойти в уборную. Опустившись на пол возле раковины, я суматошно пытался расстегнуть верхние пуговицы рубашки, но руки так сильно тряслись, что сделать это было непросто. Я чувствовал, как задыхаюсь.

Но ведь я ничем не болею, что со мной происходит?!

Благо никого не было и я был один, но от этого мне не было спокойнее, если я потеряю сознание, как быстро кто-то бросится мне на помощь? Я сидел облокотившись на стену и судорожно хватая воздух, слёзы бежали по лицу, но я будто бы не плакал, а просто не мог остановить их. Через несколько минут я услышал шаги в коридоре, приближающиеся к уборной. Одновременно я хотел, чтобы кто-то помог мне и позвал на помощь, но при этом я чувствовал еще большее давление и страх от мысли, что сейчас кто-то зайдет, а я даже не смогу объяснить свое состояние.

– Ты в порядке? – двери уборной открылись и Ник подбежал ко мне, сев рядом на колени.

Я старался произнести что-то напоминающее «да», но воздуха не хватало и я лишь смог слабо кивнуть в ответ.

– Послушай меня, Рэй, всё в порядке, – Ник обхватил руками мое лицо и смотрел прямо в глаза, – ты не один, просто слушай мой голос, стараясь выровнять дыхание.

Быстро поднявшись, Ник открыл кран и брызнул в меня холодной водой.

– Я знаю, что с тобой. Это пройдет, поверь мне. Сейчас тебе нужно отвлечь свои мысли и подумать о чем угодно, что

тебя успокоит.

Моё тело бил озноб, Ник продолжал гладить мои волосы руками и говорить со мной. Его голос был спокойствием, маяком среди тумана, на который я следовал, чтобы не остаться в темноте.

– Помнишь, когда мы вместе с Дженни пошли играть в баскетбол? Я знаю, как она нравилась тебе, ведь ты терпеть не мог брать в игру хоть кого-то. В тот день я прикинулся, что у меня болит колено и сел на скамью запасных, дав тебе чуть больше времени, чтобы побыть с ней. Играть она, конечно, не научилась. Не знаю, может ты плохой учитель, Рэй? Но я знаю, как для тебя это было важно.

– Спа-сибо – я выдохнул воздух, чтобы ответить более внятно.

– Все в порядке. Сейчас станет лучше, потерпи немного. Ты называл Дженни «белая фея», вычитав в какой-то книжке значение её имени. Помню, как она злилась, не любила все, что было связано со всем «девчачьим», тем более феи. Ну и тупанул ты, конечно, но иногда мне казалось, что уголок её губ слегка поднимался, услышав от тебя как ты ее зовешь.

Не знаю чем закончилась ваша история, я так и не спросил тебя, боялся, если честно. Извини, может это не лучшая история, чтоб отвлечь тебя.

– Мы так и не поговорили с ней, – мой голос звучал спокойно, пульс вернулся в норму, больше не издавая ужасное

эхо.

– Тебе лучше?

– Голова мутная, но я в порядке. Спасибо, что пришёл за мной.

– Я не сразу понял, но решил проверить тебя.

– Спасибо...

– Не нужно. Я по-прежнему твой друг.

Меня окатило холодной волной из-за чувства вины перед Ником. Не сдержавшись, я крепко обнял его и слезы полились новой волной.

– Ну всё-всё, успокойся, – Ник похлопал меня по спине, – пойдём со мной.

...

Мы поднялись на крышу, где никого не было из-за пар. Ник откуда-то взял ключи, хотя обычно они были только у старших групп.

– Будешь? – Ник протянул сигарету.

– Да, не помешало бы.

– Только не увлекайся сильно.

– Ага.

С крыши открывался вид на город, а внизу виднелись пожелтевшие деревья. Ветер был сильным, из-за чего подкурить вторую сигарету удалось не сразу.

Сейчас я чувствовал себя спокойно, Ник снова со мной, и в эту минуту мне хотелось забыть все другие проблемы.

– Отец умер – Ник сказал это спокойно.

– Что? – я потерял все слова, не веря в услышанное.

– Он быстро сгорел, слишком долго скрывая свою болезнь, чтобы мы не беспокоились. Он так много работал, что я не замечал, как он теряет в весе, волосы выпадают, – Ник достал зажигалку и закурил третью по счёту сигарету. – Я не успел ничего ему сказать. Мне пришлось говорить с гробом, чтобы рассказать отцу, как я сожалею, – Ник сделал затяжку, я видел слезы на его глазах, но он отвернулся от меня, вытерев лицо рукавом.

– П-прости.

– За что?

– Я не был рядом.

– Всё в порядке. Тогда я ужасно злился, срывая злость на тебя, хотя был зол на отца и самого себя.

– Почему?

– Я не заметил раньше, что с отцом что-то не так.

– Ты не виноват, Ник.

– Виноват, но это всё равно ничего уже не изменит.

Мы стояли в молчании, изредка посматривая друг на друга.

– Пойдём, скоро следующая пара, надо забрать вещи из аудитории, – Ник нарушил тишину и я был ему за это благодарен.

....

Пары закончились и мы с Ником сели на автобус в сторону

дома. Дорога заняла не так много времени, но как спокойно было снова вернуться в те моменты, когда мы ехали домой в автобусе, разговаривая обо всём.

Когда я зашёл домой, привычно собрался подняться по лестнице к себе, но окинув взглядом кухню, увидел родителей за столом.

– Ладно, – выдохнул я себе под нос. Направившись в сторону стола, я кинул рюкзак на пол и сел за свободный стул.

– Будешь есть?

Мама говорила спокойным тоном. Словно не было ни нашей ссоры, ни сообщения от нее, ни произошедшего со мной в уборной, ни разговора с Ником. Да, именно, ничего не было, ведь о многом она просто не знала. Возможно, единственная причина, по которой сейчас сижу здесь, это те слова, что я услышал от Ника. Он не смог попроситься с отцом, вся его боль, все обиды ударились глухим эхом об холодную землю, в которой лежал его отец.

Я так не хотел, всё и так слишком долго было спрятано от моих глаз, чтобы продолжать убегать от реальности.

– Нет, спасибо, я уже ел.

Отец уткнул взгляд в тарелку, перемешивая десятый раз свои спагетти.

Над столом повисла немая тень, которую, казалось, мог нарушить лишь я.

– Мне нужно время.

– Я понимаю, – отец говорил, продолжая помешивать со-

держимое своей тарелки.

– Может для вас с мамой прошло достаточно времени, – каждое слово давалось мне тяжело, ком в горле мешал говорить, но я старался изо всех сил, – возможно, ты многое пережил, чтобы загладить вину, но я всё еще не могу простить тебя.

– Рэй, – мама протянула руку, чтобы я взял её, но я не смог, – есть вещи, которые должны решать только родители. Я старалась обезопасить тебя, и надеялась, что ты сможешь забыть прошлое. Поверь, милый, многое изменилось с тех пор, иначе я бы не позволила нам остаться здесь, не будь бы это безопасно.

– Но ты не могла знать всего, – я посмотрел ей в глаза, и она убрала руку.

– Не могла, – шёпотом произнесла она.

– Прости меня. Я сотворил ужасные вещи и после бросил пить, хотя ломало меня ужасно. Тебе не стоит знать всё, Рэй, ведь мы многое пережили с твоей матерью.

– Хорошо, – единственное, что я смог выдать из себя, а после поднялся и направился к себе в комнату.

Сил не было ни на что, я прошёл мимо Тераса, замечая лишь, что он был подобен черной тучи, и завалился спать.

Ночью снова снились кошмары, в которых я бегу к маме и не успеваю закрыть её собой. Мама падает на пол, ваза разбивается, а из её виска течёт кровь. Отец берется за голову в осознании, что натворил, а я маленький сажу рядом с мамой

и прошу её проснуться. Она не просыпается..

Меня разбудил будильник, я встал из кровати совсем разбитым, но надо было идти на пары.

– Плохо спалось? – Терас окликнул меня, пока я поправлял взъерошенные волосы и трогал синяки под глазами.

– Немного.

– Давно не говорили.

– А есть о чём?

– Это ты должен сказать.

– Я так и не понял, какой от тебя толк. Ты почти всё время молчал, ответа я от тебя не дождался, разгребал всё сам, тогда зачем ты мне?

– А ты хотел, чтобы я решил всё за тебя? Удобно перекидывать ответственность на других. Я показал тебе то, что тебе нужно было увидеть. Этого вполне достаточно.

– И что же это?

– Тебя самого.

Слова Тераса заставили меня задуматься над тем, что происходило последнее время. Может, я и правда, стал ближе к себе, когда раскрыл тайну происходящего вокруг меня. Я бы не сказал, что это облегчило мне жизнь, совершая раскопки, не всегда знаешь, что именно найдешь, даже если имеешь намеченную цель. Вот и мне подалось на пути гораздо большее, чем я надеялся найти. Хотел ли я это узнать? Никто не может ответить, открывая неизвестный ему ящик пандоры, но одно я скажу, точно, незнание порой давит сильнее, вы-

страивая вокруг нас стену из иллюзий.

...

Я не заметил, как стал иначе относиться к учёбе, отпуская и прощая себе свои несовершенства. Почему так произошло? Возможно, я осознал, что вне учебы есть жизнь, которую мы должны как-то жить, даже не имея вспомогательной карты к ней. Столкнувшись с тем, что не все зависит от меня, как произошедшее в детстве, отношения родителей, которые мама решила спасти, моё состояние депрессии, которое мне не удавалось контролировать, я понял, что лишь укрывался от проблем в учебе. Однако были и те вещи, которые напрямую зависели от меня, и, к сожалению, я упустил возможность быть поддержкой для Ника в трудное время. Я до сих пор винил себя в этом, но изменить ничего не мог. Ничего не оставалось, как перестать жить прошлым и постараться думать о том, как жить в настоящем.

Утро было дождливым, я медленно плелся на остановку, пока мимо меня пробегали опаздывающие люди. Холодный дождь меня не смутил, я чувствовал течение времени как-то иначе, более спокойно, чем, когда сам был в числе тех, кто опаздывает.

Пока я добрался до учебы, мой внешний вид оставлял желать лучшего, поэтому в первую очередь я направился в уборную, привести себя в порядок.

Открыв дверь, я увидел Ника стоявшего перед зеркалом.

Он что-то невнятно бормотал, смотря в своё отражение. Как только я собрался поздороваться, как услышал «Что ты такое?! Почему я тебя вижу?». На время я застыл на месте, осознавая увиденное. О чем он? К кому он обращается? В голове закружилась карусель из вопросов. Получается, я не один вижу «подобное»? Значит я не сумасшедший? Я почувствовал облегчение, словно я нашел часть пазлов, недостающих для общей картины. Я боялся спугнуть друга, но знал, что увидев впервые Тераса, хотел иметь кого-то, кто сказал мне, что я в порядке.

– Ник.

– Что?! – он резко повернулся, крепко вцепившись руками в раковину, в его глазах отражался страх.

– Я тоже видел его в своем отражении.

– Ты о чём? Я никого не видел, – глаза Ника забегали, я видел его испуг даже на расстоянии.

– Ник, всё в порядке. Я знаю, что ты видел. Ты нормальный.

Ник закрыл руками лицо. Я подошёл к нему и похлопал его по плечу.

– Я знаю это чувство, ведь тоже думал, что я псих какой-то.

– Что это, Рэй? Что я нахрен такое вижу?

– Это всего лишь твое отражение. Разве ты боишься себя?

– Не знаю.... И что я должен делать?

– Поговори с ним. Тебе нужно понять причину, почему

он появился.

– Поговорить? О чем?

– Это знаешь только ты. Я тоже сначала не знал, что сказать. Но со временем нашел для себя больше ответов, чем вопросов.

Я обнял Ника, а внутри чувствовал благодарность за то, что оказался здесь именно в этот момент.

– Пойдём на пары?

Ник кивнул головой, обернувшись, чтобы посмотреть в зеркало.

– Рэй, я нормальный?

– Никто из нас не является нормальным.

Пары закончились быстро, но всё это время мои мысли были не в учёбе.

Получается, что подобные Терасу существуют? И как они выглядят? Они есть у каждого человека или возникают при определенных обстоятельствах? Мои размышления не имели ответа, и я знал, кто поможет мне в этом.

– Рэй, пойдём ко мне? Поиграем в приставку – Ник окликнул меня, когда мы вышли из кабинета.

– Извини, Ник, мне нужно домой.

– Да, без проблем.

В голове была каша. Раньше я думал, что Тераса вижу только я, что только у меня есть моё «особенное» отражение, но сейчас все теории рассыпались, и я ничего не понимал.

Означало ли это, что бабушка знала о чудовище, когда зашла в мою комнату и застала меня разговаривающим с зеркалом? Сначала мне казалось, что она приняла это за детские выдумки и потому разубедила меня в существовании чудовища. А что, если у нее тоже было свое «отражение»? К сожалению, я уже не смогу получить на это ответы, но тогда стало бы понятно, почему моя связь с ней была столь сильна и именно она приходила в мои сны так часто, помогая вспомнить забытое.

Я забежал домой и быстро поднялся по лестнице в свою комнату. Скинув рюкзак на пол, тяжело дыша, я сел прямо перед зеркалом.

– Значит, ты не один такой? Не только я тебя вижу? – вопросы посыпались сами собой.

– А ты думал, что ты особенный? – если бы Терас мог ухмыляться, он бы непременно сделал это.

– Значит, у каждого человека есть своё чудовище?

– И да, и нет. Я уже говорил, что ты видишь меня тогда, когда позволяешь своим страхам и мыслям выйти наружу. Но как только ты стараешься убедить себя, что этой тёмной части тебя нет, обманывая себя, человек перестает видеть то, что есть в нём. Он теряет связь со своим внутренним отражением, стараясь поверить, что его мысли чисты. Глупый обман, да и только.

– Почему люди скрывают это?

– А почему ты скрыл?

Вопрос поставил меня в тупик своей прямотой.

– Разве можно об этом сказать? В нашем мире это считается чем-то ненормальным, за это спокойно могут отправить на лечение, а больным я себя не считаю.

– Вот и другие скрывают, боятся, что их не примут.... Но вопрос другой, почему вы скрываете от себя свою темную часть?

– Наверное, страх, – я задумался перед тем, как ответить, – да, точно, это страх узнать себя.

– Именно, большинство опасаются, что у каждой вещи есть отражение и оно показывает не то, что вы желаете видеть, а то, кем вы являетесь. По этой причине многие просто не видят своих чудовищ, это называется помутнение, что-то вроде тумана, застилающего сознание и оберегающего от правды.

– Но моя бабушка...– я не успел договорить, как Терас прочитал мою мысль.

– Да, твоя бабушка видела своё отражение в истинном облики, но тебя почему-то решила уберечь от этого, якобы ты был слишком маленьким.

В этот момент я подумал о бабушке, только сейчас я смог осознать ее чистую и сильную любовь ко мне. Она всегда старалась меня защитить, будучи моим зонтом в дождливый день.

– Значит, ты никогда не исчезнешь?

– Зависит от тебя. Я могу иногда возвращаться, в один

момент исчезнуть полностью или быть всё время с тобой. Я не контролирую это, а лишь появляюсь тогда, когда нужен тебе.

Я смотрел на него и думал: «Хотел бы я, чтобы Терас исчез?»

Не каждому под силу ежедневно видеть в своём отражении чудовище, которое напоминает правду о себе. За время, как я узнал Тераса, произошло многое, сначала я был слишком закрыт от всех и от самого себя. Однако со временем я решил выйти из скорлупы, и оказалось, я не один такой, у многих есть свои чудовища, также как и у Ника и моей бабушки.

– Тогда я хочу, чтобы ты исчез.

– Твоё право, Рэй. Ты ведь знаешь, что мы ещё увидимся, ведь я часть тебя и не стоит меня избегать.

– Да, я знаю это. Но сейчас я хочу, чтобы ты ушёл, мне нужно разобраться со всем, что произошло и помочь тем, кого я люблю. Я был слишком эгоистичен, поэтому ты и появился. Спасибо, что помог мне узнать правду о себе.

– Не вся правда лежит на поверхности, помни это.

После этих слов Терас исчез, но я знал, что наша встреча обязательно повторится. Внутри я чувствовал сковывающую тоску, всего за две недели я так привык к нему, словно он был со мной всегда.

Я знал, что мне нужно делать и с чего начать, поэтому потянулся за телефоном, который валялся на кровати.

«Встретимся на баскетбольной площадке через пятнадцать минут?» – я отправил Нику сообщение, и, получив взамен ответ «Выхожу», начал быстро собирать рюкзак. Иногда достаточно начать с малого, чтобы исправить значительные ошибки, которые мы натворили. Я не был поддержкой для Ника в нужный момент, отстранившись от него из-за своих проблем. Каждый способен на ошибку, значит ли это, что мой отец тоже заслуживает прощения? Пока я не мог на это ответить, картина из детства стояла перед глазами целыми днями, поэтому мне сложно отпустить обиду. Всему нужно свое время, также как и Нику необходимо было время, чтобы снова доверять мне.

После того разговора я не помню, чтобы видел отца, скорее всего он задерживался на работе и приходил, когда я уже спал. Время уже поджимало, и нужно было ускориться, чтобы не заставлять Ника ждать. Я быстро сбежал по лестнице, захватив с кухни, приготовленные мамой бутерброды, которые хотел съесть по дороге.

Выбегая из дома, я чуть не врезался в отца.

– П-привет, пап, -

– Привет, Рэй. Как ты? – он выглядел неуверенно, наше случайное столкновение застало его врасплох.

– Я в порядке, а ты? – я чувствовал себя легче по отношению к отцу, словно что-то долго меня мучило, а затем постепенно стало отпускать. Теперь я хотя бы знал причину, по которой все годы у нас были натянутые отношения, в кото-

рых отчасти я винил себя.

– Я тоже в порядке. Ты куда-то спешишь? Погода там не очень, я сейчас еду к другу забрать документы по работе, могу тебя подбросить.

– Нет, спасибо, пап, я недалеко.

– Хорошо, Рэй, – по его голосу было понятно, что разговор дался ему непросто, но кажется, отец, как и я, чувствовал облегчение за последние дни избегания нашей встречи.

Я вышел из дома, попутно надевая сверху футболки толстовку. В моменте нам всегда кажется, что всё намного сложнее, но по прошествии времени, ты осознаешь, что то плохое, что происходило с тобой помогло создать то хорошее, что есть у тебя. Я не мог вернуть время, чтобы быть с Ником на похоронах, не мог сказать маме в детстве, чтобы ушла от отца, ведь это был ее выбор, сейчас в моих силах лишь повлиять на то, что уже произошло. За долгое время я впервые отделил себя от прошлого, удушающего виной и будущего, которое настолько пугало меня, что вогнало в депрессию и познакомило с Тerasом. Сейчас я здесь и всё, что в моих силах, просто быть в этом моменте.

Я ускорился, чтобы не заставлять Ника ждать, погода была жутко холодная с противно мелко морозящим дождём.

– Рэй, – Ник окликнул меня, – погода дрянь, иди сюда.

Ник стоял под крышей заброшенной остановки, когда-то раньше здесь часто ходили автобусы, но когда снесли торговый центр, людям стало незачем ездить так далеко от горо-

да и со временем остановку перенесли в новое место, а эту оставили так. Зато это было наше место, в котором мы часто сидели после игры в баскетбол, когда не хотелось идти домой.

– Ты как? – вопрос звучал немного нелепо, но я не знал с чего начать разговор.

– Порядок. Будешь сигарету? – Ник достал сразу две из пачки и протянул мне.

– Да, спасибо.

– Жаль, что с игрой так вышло, мы уже давно не играли, а тут еще и погода подвела.

Дождь усилился и заливал баскетбольную площадку.

– Ничего, сыграем потом, – я закурил сигарету, думая над тем, что пока у каждого человека есть «потом» всё возможно изменить. – Я тут подумал, может мне стоит написать Дженни? Давно не говорили, с момента, как она уехала.

Мне хотелось переступить свои страхи и не избегать того, что дорого мне.

– Почему бы нет? Она ведь говорила, что иногда будет приезжать, можем снова собраться, как раньше.

Всегда можно начать с чего-то незначительного, чтобы вернуть себе себя, но уже в новой форме. Сейчас я был счастлив от мысли, что делаю всё так, как чувствую, хоть для этого и пришлось пройти через множество трудностей.

Послесловие

В каждом из нас может жить чудовище. Оно может быть создано прожитой болью, невысказанной злостью или спрятанными недобрыми мыслями.

Обычно мы боимся таких вещей, поэтому никто не видит наше чудовище, да и мы не всегда в силах его принять. Если бы оно имело обличие в зеркале, нам было бы проще опознать его. Чудовище не друг, и не враг до того самого момента, когда мы решим, кем оно станет для нас.

Нам не нужно бояться своего чудовища, рождённого из наших теней, а лучше познакомиться с ним, чтобы узнать причину его появления в зеркале.

Любая темнота исчезает под ярким светом, но она может стать тенью на время, пока солнце снова не зайдет за тучи. Тень всегда будет частью нас, избегая ее, мы не сможем понять, что именно она отражает.